

АВАЙС ХАН

18+

БЕЗ ЧЕСТИ

НОМИНАНТ ПРЕМИИ
SHORT STORY DAGGER

Авайс Хан

Без чести

Серия «Розы света»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476761

Без чести: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34921-6

Аннотация

Маленькая пакистанская деревня, родина шестнадцати летней Абида, живет по вековым традициям, согласно кото рым честь семьи ставится превыше всего. Но что делать, если девушка жаждет любви и уступает ухаживаниям красавца Калима?.. Когда об их связи становится известно совету старейшин, Абиду ждет участь других юных «грешниц» – неминуемая публичная казнь. Движимая решимостью противостоять косным устоям патриархального общества, девушка с помощью своего преданного отца Джамиля сбе гает в большой город – и внезапно исчезает там без следа. В поисках дочери Джамиль отправляется в Лахор, но там предрассудки, господствующие в их деревне, принимают новую ужасающую форму, и он оказывается в ловушке, из которой, возможно, никогда не выберется. Перенося действие из пенджабской глубинки на опасные улицы перенаселенного Лахора, автор рассказывает историю семьи, для

которой любовь во всех ее проявлениях стоит выше религиозного фанатизма.

Содержание

Деревня Хан-Вала, Пакистан	7
Джамиль	16
Абида	25
Джамиль	32
Абида	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Авайс Хан

Без чести

*Посвящается безум-сахибе¹ Шамим Ахтар
(Амаджи). Ты продолжаешь жить в наших
сердцах...*

*Никогда не поздно стать тем, кем ты мог бы
стать.
Джордж Элиот*

*Не знающий одного ведаёт о другом.
Африканская пословица*

Awais Khan
NO HONOUR

Copyright © Awais Khan, 2023
All rights reserved

© А. И. Самарина, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-

КА», 2026

Издательство Иностранка®

Деревня Хан-Вала, Пакистан

6:30

Только когда младенца вырвали у Шабнам из рук, она поняла, до чего все серьезно. Ее брат-близнец Аслам грубо запеленал ее дочурку – и собственную племянницу – в грязную тряпку (наверное, из конюшни прихватил). Запах влажной ткани растекся вокруг. Платок, который Шабнам связала специально для малышки, брат небрежно швырнул на пол.

Из глаз роженицы брызнули слезы.

– Отдай, – слабым шепотом взмолилась она с пола, бесильно перебирая ногами. Повитуха, которая обмывала тело Шабнам, бросила на Аслама быстрый взгляд, торопливо натянула на молодую мать шальвары и застегнула пуговицы на поясе.

– Прошу, скажите ему, чтобы вернул мне дочку! Я ей нужна! – слезно попросила Шабнам, взглянув на женщину.

Та не поднимала на нее глаз.

– Это не мое дело. Надо было думать, прежде чем такую грязь в родной дом тащить. Еще скажи спасибо, что твоя родня позвала меня в помощницы. Таких, как ты, в реку бросают – и то, считай, везение. А коли не повезет, и вовсе сжи-

гают заживо. Молись, чтобы брат тебя пощадил! Хотя такое бывает редко.

– О, она у нас везучая, – подметил Аслам. – На ее счастье, *пир-сахаб² огонь не жалует. Слишком уж много внимания привлекает дым.*

Повитуха распрямилась в полный рост.

– Раз вы думали про сожжение, зачем позвали меня на роды? Какой смысл?

– Чтобы она не умерла раньше времени и не избежала заслуженной кары! – сверкнув глазами, буркнул Аслам. – Чтобы слишком легко не отделалась!

Повитуха побледнела, поспешно собрала вещи и выско-
чила из дома, ни разу не обернувшись.

Шабнам пришлось приложить титанические усилия, чтобы просто приподняться на локтях. Роды изнурили ее до полусмерти. Все мышцы в теле словно вопили от боли. В горле пересохло, но она боялась попросить у брата воды: как знать, что он сотворит? Пока что он отвлекся на племянницу и играл с ее крохотными кулачками. «Может, он полюбит ее и пощадит», – взмолилась про себя Шабнам.

Если бы.

Мать отвернулась от нее. Только плечи, которые так и ходили вверх-вниз, выдавали ее чувства.

– Шабнам, как ты могла? – прошептала мать. – Я же молила тебя: убегай! – Она быстро покосилась на сына и сме-

² Почтительное обращение к старейшине.

нила тон, воскликнув уже громче: – Как ты посмела! Отец, поди, в гробу вертится от стыда!

Шабнам закрыла глаза. Ей вспомнился тот день, когда она, не выдержав давления, отдалась человеку, которого прочили ей в мужа. Ему было уже за тридцать – на пятнадцать лет больше, чем Шабнам, и все же, когда он предложил ей прогуляться вдоль реки, никто и бровью не повел, и уж тем более Аслам: куда больше брата интересовали ящики с манго, которые тот человек привез с собой. Тот человек – ей не хотелось даже имя его вспоминать – обещал, что весь мир будет у ее ног. Что они переедут жить в большой город.

Мать не рассказывала ей о нравах мужчин. А когда Шабнам стала девушкой, просто кинула дочери грязную тряпку и велела каждый месяц подкладывать ее под себя, чтобы кровью всё не перепачкать. И когда появился тот человек со своими щедрыми подарками, мать не сделала ничего, чтобы уберечь пятнадцатилетнюю дочь от беды. Впрочем, Шабнам не держала на нее зла. Жалела только, что ее воспитали такой наивной.

Когда тот человек вдруг повел ее в поля и стал нашептывать сладкие нежности, щекоча дыханием кожу, Шабнам всеми силами старалась скрыть изумление. От его слов она вся покраснелась, ей стало и страшно, и приятно. Пусть взрослые и не подготовили ее к жизни, она видела несколько пенджабских фильмов и понимала, что просьба раздеться, услышанная от мужчины, – не самое рядовое событие. Сперва

она сопротивлялась, а потом заметила, как омрачилось лицо того человека, и у нее екнуло сердце. Ей вспомнились ящики с манго, рулоны шелка и шифона, которые он привозил, радость на лице матери, и она улыбнулась в знак согласия. Но даже в тот миг не понимала, на что соглашается. Только когда все тело пронзила боль, точно его рассекли надвое, а с губ сорвался крик, который некому было услышать, она осознала, что случилось.

И вот ей шестнадцать. У нее из рук только что вырвали новорожденную дочь, а отца девочки она с того дня ни разу не видела.

— *Ему нужна была твоя девственность, только и всего, — бросил Аслам. — Не обманывайся, никакая это не любовь. И даже не похоть. Городские хлыщи все одинаковы, так пир-сахаб говорит. Заявляются к нам на порог, умасливают подарками, чтобы купить невинность наших дочерей. А тебя только помани разок — и уже готова ноги раздвинуть!*

Мать сокрушенно закрыла лицо руками.

— О горе, горе, почему это с нами случилось?!

— Потому что ты родила *канджари*³! Вот и ответ! *Канджари*, готовую продать свою честь за кучку подарков!

У Шабнам не было сил с ними спорить. Тут уши уловили какой-то шум за дверью. С улицы доносились мужские голоса — громкие, недовольные. Мать дернулась, будто поперхнулась.

³ Бесстыдница (*урду*).

– Они пришли! – испуганно прошептала она сыну. – Скорее открывай дверь, а то они сожгут весь наш дом! Попробуй их отговорить.

Аслам усмехнулся.

– С удовольствием.

– Аслам, стой! – Шабнам поднялась, и комната покачнулась у нее перед глазами. Она едва не упала. – Отдай мне ребенка, пожалуйста. Я уйду, и больше вы меня не увидите, обещаю!

Брат почесал подбородок.

– Одного не пойму: как тебе удавалось так долго пузо прятать? Хотя ты у нас всю жизнь лентяйничаешь. Вот никто и не удивился, когда начала поправляться. – Его глаза потемнели. Он взглянул на мать. – Или ты знала?

Мать положила руку на сердце.

– Нет, конечно! За кого ты меня принимаешь?

На самом деле, она все узнала много месяцев назад, но продолжала наивно верить, что тот человек еще вернется. Когда с последних месячных Шабнам миновало семь лун, мать сунула ей сумку, в которой лежали накопленные за долгие годы сбережения и горсть украшений, и стала умолять дочь бежать. Вот только вскоре идея побега отпала: поползли слухи о бандах насильников, которые рыщут в окрестных деревнях, чуть ли не каждый день похищают женщин и измываются над ними. Даже если бы Шабнам отправилась в путь с матерью, ее бы это не обезопасило, поскольку насильники

не брезговали даже семидесятилетними старухами. Шабнам наотрез отказалась подвергать мать такому риску. Будь что будет, решила она. И осталась дома.

А теперь горько жалела об этом. До чего же наивно было верить, что брат ее поддержит! В дверь постучали, а потом заколотили с растущим нетерпением. Шабнам повернулась к Асламу.

– Я мать этой малышки, – взмолилась она. – У тебя что, дыра вместо сердца? – Когда брат отвернулся, Шабнам решилась на единственный шаг, который, как ей казалось, точно избавит его от равнодушия. Она взяла его за руку и положила ладонь себе на грудь, влажную от подступившего молока. – Видишь? Я ей нужна, как ты не понимаешь?

Аслам отскочил, будто его током ударили.

– Коварная *канджари*! Родного брата пытается соблазнить!

Шабнам очень хотелось отвесить ему пощечину – может, хоть так поймет? – но она сдержалась, ведь Аслам по-прежнему держал в руках бесценный комочек.

С каждым ударом в дверь сердце молодой матери разгорялось все быстрее. Казалось, еще немножечко, и она потеряет сознание. Шабнам прислонилась к стене. В комнате висел густой запах крови, металлический привкус льнул к языку. Время нещадно утекало.

Аслам открыл дверь, а дальше события развивались стремительно. Ее дочку отдали какому-то незнакомцу, а потом

брат в компании еще двух мужчин схватил Шабнам, выволок из дома и потащил на деревенскую площадь. Рассвет еще только занимался, и голые руки молодой матери покалывало от холода. На площади уже собралась толпа, но Шабнам так обессилела, что зрение затуманилось, и лиц она толком не различала. И только когда ее подтащили к *пирю*, его облик отчетливо проступил перед ней. Она разглядела улыбку и руки, сложенные на животе.

– Отведите ее к реке, – мягко велел старейшина.

Утренняя прохлада, казалось, просочилась Шабнам в самое сердце. До реки было недалеко: она тянулась за вереницей соломенных хижин вдоль берега, на котором местные часто справляли праздники. В это время года вода не была ледяной, но и теплой тоже.

– Надо держаться, – шепнула Шабнам себе. – Ради малышки.

Пока провинившуюся вели по дороге, в нее успело плюнуть несколько старух. На лодыжки налипла вязкая грязь. Дети кидали Шабнам в глаза комья земли, дергали ее за волосы.

– *Харамал!* – дразнили они ее дочку. – Рожденная вне брака! Позор!

– Грязная *канджари* Шабнам!

– Сжечь ее живьем!

– Застрелить!

– Утопить!

Всю дорогу ее брат улыбался, и только капли пота на лбу выдавали гнев.

– Застрелить – слишком просто, – с неизменной улыбкой пояснил он мужчине, который жаждал крови Шабнам. – Пускай осознает, что натворила. Да и мне надо как-то восстановить честь семьи.

– Верно, верно! – подбадривала толпа. – Вот он, настоящий мужчина, который знает, что делать!

Толпа не унималась до самого конца пути. Шабнам привели на поляну у реки, где обычно устраивали торжества. Все деревья тут вырубili, а земля высохла и растрескалась. Даже в лучшие времена этот кусочек берега навевал недобрые чувства. Шабнам знала, что тут замучили немало женщин. Река шумела чуть поодаль – так громко, что сразу становилось ясно: течение тут очень сильное.

Шабнам умоляюще посмотрела на брата. Сил открыть рот у нее уже не было. Она безмолвно просила пощадить малышку. Даже если ей самой смерти не миновать, пусть хоть девочку пожалеют. Ее частичку...

Аслам, казалось, прочел мысли сестры. Поднял руку, чтобы утихомирить толпу.

– Сперва принесите ведро молока, – приказал он, сдерживая с младенца тряпку.

«Нет, – подумала девушка, – ты не посмеешь!»

Шабнам думала, что сил совсем не осталось и она не проронит и звука, но, когда ее ребенка стали опускать в молоко,

она взвыла. Младенец сперва плакал, но стоило ему исчезнуть в ведре, и крики мгновенно затихли. А вот Шабнам замолчать не могла – она кричала и кричала. Молочная гладь сомкнулась над головой ребенка, и несколько капель выплеснулись на голую землю. Стайка пузырьков всплыла на поверхность и исчезла без следа.

– Поделом, – сказал *пир*. – Не позволим эдакой грязи запятнать нашу деревню. Ребенок, рожденный вне брака, – позор на лице земли! Молодец, сын мой!

Аслам улыбнулся еще шире и на миг стал похож на обыкновенного шестнадцатилетнего мальчишку, а вовсе не на демона, в которого только что превратился.

Затем Шабнам бросили в реку. На миг у нее перехватило дыхание, но она этого почти не заметила.

Прохладная вода заключила ее в свои объятия, а девушка и не сопротивлялась: пусть ее тянет ко дну, лишь бы унести ее подальше от этого безумия и боли.

Туда, где есть только покой.

Джамиль

Джамиль проснулся от детского плача – как и каждый день на протяжении уже многих лет. На этот раз хныкала младшенькая, Шугуфта. Его жена, Фарида, прижала малышку к сердцу и спрятала под ткань *камиза*⁴, чтобы хоть немного заглушить крики, но та продолжала голосить. А еще говорят, дети слабые!

Джамиль закатил глаза и улегся поудобнее на *чарпае*⁵ в надежде еще поспать. Апрель еще не наступил, а он все равно взмок так, что хоть *камиз* выжимай. Пора бы уже подумать и о ночевках на воздухе. В открытое окно виднелись пшеничные поля, оранжевое рассветное небо, провода, на которых расселись воробьи. Джамиль с родней жил на отшибе деревни, и порой его это радовало, а порой злило. Да, удаленность в некотором смысле дарила свободу, зато у них чаще случались перебои с электричеством – и длились они дольше, чем у других. Пока что неудобство было вполне безобидным, но вот в июне, когда грянет зной, а вентилятор включить не получится, дети будут реветь ночь напролет, с ужасом подумал

⁴ Длинная туника, традиционная для стран Южной Азии.

⁵ Натяжная кровать на четырех ножках.

он и вздохнул. Ну и дела. День еще не успел начаться, а его уже одолевают мрачные мысли. И скоро уже собираться на работу.

Кровь, перья и внутренности – вот из чего состояла его жизнь мясника. И как бы он ни пытался оттереть руки после работы, сколько бы ни выскребал грязь из-под ногтей, запах крови не отлипал. Джамиль осмотрел свою ладонь в нежном утреннем свете: вся в мозолях, кожа шершавая, как наждак. Дети не любили, когда он гладил их по щекам, – сразу начинался плач, так что с ласками пришлось покончить. Да и потом, разве пристало отцу показывать нежность? Джамиль не хотел прослыть слабаком.

В соседней комнате, за тряпицей, повешенной в дверном проеме, закопошились остальные дети, все еще малыши. Джамиль вздохнул. Первой родилась Абида, а потом несколько лет у Фарида никак не получалось забеременеть. И вот когда они уже отчаялись, жена сообщила ему, что ждет ребенка. Вскоре появился долгожданный сын, Юсаф, а через год родился Аббас. А потом, одна за другой, четыре дочурки: Фархана, Насиба, Саида и Шугуфта. Джамиль уже и забыл, как выглядит Фарида, когда не ждет ребенка. Теперь он избегал близости: боялся, что жена снова забеременеет. Ее пышное тело так и манило, но взгляд пугал пустотой. Джамиль понимал, что еще одного она просто не выносит, так что с рождения Шугуфты они хранили чистоту.

– Абида встала? – спросил он у Фарида, стараясь не обра-

щать внимания на причмокивания младенца, сосущего молоко. Ему было неловко: казалось, он мешает какому-то таинству. — Она должна мне с цыплятами помочь.

Фарида вздохнула.

— Да когда она вообще тебе помогала? Ее попросишь поймай птицу в забой, а она играть с ней начнет! Волнуюсь я за нее, *джи*⁶.

— Ей всего шестнадцать, Фарида. И пожалуйста, зови меня по имени, когда мы наедине, сколько раз просил!

— А меня в четырнадцать уже замуж отдали, Джамиль.

— Не сравнивай. Времена меняются.

Фарида шумно выдохнула, пристроила малышку Шугуфту себе на плечо и принялась похлопывать по спинке.

— Только не надо мне говорить, что она еще слишком маленькая для замужества! Раз уже идут месячные, значит, готова. У Абида они несколько лет назад начались! Мы должны найти ей мужа.

От ее непреклонного тона внутри у Джамиля всколыхнулась ярость, но он подавил ее.

— Вот скопим немного денег, и начнем подыскивать подходящего парня.

— Продай мои украшения — и будет ей приданое. Джамиль, не забывай, у тебя еще шесть детей! Если выдадим Абиду замуж, одним голодным ртом меньше станет.

⁶ Уважительное обращение, которое используют в Индии и Пакистане по отношению как к мужчинам, так и к женщинам.

Циничные рассуждения больно задели Джамиля. Он вытянул руку и потряс жену за плечо, чтобы привести в чувства, да так резко, что младенец, которого Фарида прижимала к плечу, упал ей на колени. К счастью, Шугуфта так крепко спала, что даже не пискнула.

– Как ты можешь так говорить о собственной дочери?!

Фарида заплакала.

Джамиль схватил себя за волосы.

– Фарида, прости, пожалуйста. Я вовсе не хотел тебя ударить. Пускай будет по-твоему. Я расскажу, кому надо, о том, что мы ищем подходящую партию для Абиды. Только не плачь. Всех детей перебудишь.

– Ей уже шестнадцать, Джамиль! Надо поскорее найти жениха. Зачем время терять?

Так и подмывало дать ей пощечину, но вместо этого Джамиль посильнее прижал ладонь к толстому слою джута, которым была оплетена их кровать.

– Как ты думаешь, почему я позволяю *пир-сахабу* мной помыкать? У него сын недавно из Файсалабада вернулся. Почти четырнадцать лет учебы за плечами! – Джамилю доводилось слышать, что у *пира* Садика в доме стоят настоящие кровати с пуховыми матрасами, и он верил, что однажды и его дочь сможет поспать на таком. У него самого не было денег на подобные роскошества. Да их с Фаридой и скромная *чарная* вполне устраивала: в нестерпимый летний зной сквозь джут хоть воздух просачивается!

Фарида уставилась на мужа огромными, как два блюда, глазами, и с ее головы соскользнула *дупатта*⁷, обнажив густые каштановые косы, которые он так любил.

– Четырнадцать лет! Боже, да он, выходит, гений!

Джамиль улыбнулся.

– Мы абы за кого любимую дочку не отдадим.

– Но как ты это устроишь? *Пир* ведь такой богатый и влиятельный, у него слуги, поди, больше нашего зарабатывают.

– Мы же с ним друзья, Фарида, – холодно напомнил Джамиль и отмахнулся от последующих возражений. – Поверь, я все улажу.

– Как думаешь, а Юсафа нашего он в ученики возьмет?

Фарида была прекрасной женой и чудесной матерью, но иногда ее глупость раздражала Джамиля. Он вздохнул.

– Я тут пытаюсь женить сына *пира* на нашей дочери, а у тебя только и мыслей, что о Юсафе и его учебе!

– *Пир-сахаб* хоть намекнул тебе, что ваши желания совпадают?

– Нет, мне это все просто приснилось. Ну включи голову, Фарида!

Не то чтобы слова мужа окончательно ее убедили, вот только взгляд стал мечтательным, как и каждый раз, когда Фарида ныряла в мир грез – по большей части несбыточных. Но одну из них Джамиль твердо решил исполнить. Он накрыл руку супруги своей.

⁷ Длинный шарф, характерный для женских костюмов Индии и Пакистана.

– Прости. Не стоило так на тебя нападать. Ты же знаешь, грубость – это не про меня, просто порой ты перегибаешь палку.

Слезы Фарида уже давно высохли. Уложив уснувшего младенца, она призывно распахнула руки.

– Забудем размолвку, Джамиль! – Ее темные глаза блестели; казалось, она вдруг помолодела лет на десять, снова став прежней игривой Фаридой. – Может, отпразднуем это решение? Детки пока все равно спят!

– Уверена? Еще одного ребенка мы не потянем...

– Конечно, уверена. За долгие годы я что-то да узнала о своем теле. Ты вот считаешь свою жену *уллу*⁸, а она меж тем не так проста!

Джамиль не смог сдержать улыбки и заключил жену в объятия.

* * *

Но стоило открыть магазинчик, как хорошее настроение испарилось. Вся деревня гудела: народ с жаром обсуждал новость о *каро кари* – убийстве чести. Пока хозяин соседней лавочки Наим пересказывал Джамилю вчерашние события, тот слушал с нарастающим ужасом. Узнав, что родной брат толкнул сестру в реку, Джамиль горестно зажмурился. И

⁸ Дурочка (*урду*).

за что? Это ведь даже не ее вина! Лишь бы только отмыть свою честь. Удивительно, подумалось Джамилю, что мужчинам почти всегда все сходит с рук, хотя женщины обычно страдают именно из-за них!

– Ей связали руки и швырнули в воду, будто мешок с хламом! – рассказывал Наим, и губы у него дрожали. Джамиль подумал, что от печали, но тут сосед громко рассмеялся. – Маленькая *гушти*⁹! Думала, ей простят такое! Дала жизнь сатанинскому отродью. Родила вне брака, это ж надо! Какой пример она подает другим девушкам. Хорошо, что *пир-сахаб* вмешался.

Джамиль в это время затачивал свой нож. Услышав про *пир*, он вскинул голову, а потом поспешно опустил глаза.

– Так это все *пир-сахаб* устроил?

Наим расплылся в улыбке.

– Ну а кто еще! Если бы не он, нашу деревню уже давно развратили бы порочные городские вояны! Повезло нам, что именно он возглавляет *джиргу*¹⁰. У кого еще хватило бы смелости покарать развратницу?

– А с ребенком что сделали? – тихо спросил Джамиль, хоть и вовсе не горел желанием услышать ответ.

– Утопили в ведре молока, что же еще! Нечестивое отродье заслужило смерть.

Джамиль снова закрыл глаза.

⁹ Легкомысленная женщина, проститутка (*урду*).

¹⁰ Совет старейшин.

Невинного младенца! Впрочем, этим давно никого не удивить, да и *каро кари* совершались в их деревне с завидной регулярностью.

Перед глазами появилось лицо матери. Ему вспомнилось, как часто ей приходилось оглядываться – нет ли поблизости двоюродных братьев, задумавших ее убить. Джамиль покачал головой и открыл глаза. Нет, нельзя думать об этом на виду у Наима. Проявление малейшего сочувствия к погибшей могло навсегда испортить репутацию. О нем поползли бы слухи и наверняка дошли бы до членов *джирги* и самого *пир-садика*.

– Ты уверен, что за убийством молодой матери стоит *пир*?

– Какое же это убийство! – возмутился Наим. – Можно ли винить брата в том, что он пытается отстоять честь семьи?! Всякий мужчина имеет право продолжать свой род незапятнанным, жениться на невинной девушке по своему выбору и воспитывать с ней детей в чистоте! И раз уж его сестрице хватило дурости залететь до брака, казнь она заслужила! Некоторые женщины аж звереют от похоти, уж поверь мне.

– Как и почти все мужчины, – заметил Джамиль.

– Мужчинам позволено делать что пожелают. Так было и будет всегда.

– Разве у женщин нет такого права? – спросил Джамиль, не успев прикусить язык.

К его изумлению, Наим расхохотался. Вокруг глаз соседа проступила целая сотня мелких морщинок.

– Прекрасная шутка, Джамиль-*бхай*¹¹! Только вообрази, что бы было, предоставь кто свободу выбора нашим деревенским бабам. Неужто ты хочешь, чтобы городская отравка погубила и наши селения?! Это был бы хаос, Джамиль-*бхай*, сущий хаос. – Он забарабанил пальцами по деревянному брусу, в который Джамиль втыкал ножи. – Хорошо, что наша *джирга* всерьез относится к чести.

– Чести... – повторил Джамиль, и слово неприятно царапнуло язык. – Все-таки каверзная штука эта самая честь.

– Без нее мы пропадем.

– Конечно, Наим-*бхай*.

Джамиль положил нож, который точил до этого. Руки у него дрожали, а сердце колотилось так, будто он несколько миль пробежал. И почему, подумал он, меня так взволновала эта история?

Ответ пришел только через несколько часов, когда он уже закрывал магазин: на месте бедняжки-утопленницы вполне могла оказаться Абида.

¹¹ Брат (*хинди*).

Абида

– Ну ладно, Калим, перестань! Отпусти меня! – Абида толкнула юношу в грудь, но только вполсилы. На самом же деле она мечтала, чтобы их объятия длились целую вечность.

Но Калим только крепче прижал ее к себе.

– Серьезно? Совсем недавно ты насытиться мной не могла, а теперь вдруг сама отталкиваешь!

Абида захихикала, прильнув к его груди, и вдохнула знакомый землистый аромат. От Калима пахло корицей и солнечным светом.

– Хочешь сказать, я плутовка каких поискать, а, Калим-сахаб? – с хитринкой спросила она.

Калим задумчиво постучал себя пальцем по подбородку и расплылся в улыбке.

– В точку! – подтвердил он и навалился на девушку сверху.

Абида мечтала о том, чтобы этот миг никогда не кончался. Ей вспомнилась их первая встреча среди горчичных полей. Был конец июня, и стоял такой зной, что вся земля расстрескалась. Из-за засухи почва так раскалилась, что ходить босиком было попросту невозможно. Дома реял жар, словно

в печи, и почти все деревенские женщины коротали дни у колонки. Прохладная вода, бегущая из трубы, успокаивала истрепанные нервы и остужала горячий нрав. Здесь, вдали от чужих любопытных глаз, можно было расслабиться и даже стянуть с головы *дупатту* и окунуть ее в воду. В маленьком прудике у колонки умещалось человек двадцать, и женщины с охотой плескались в нем, по очереди подставляя макушку под кран. Какое же это было наслаждение!

Абида промокла до нитки, и хлопковый *камиз* облепил тело, точно вторая кожа, высветив все его контуры. Она понимала, что нельзя показываться отцу в таком виде, и потому отправилась на ближайшее горчичное поле и устроилась в тени старого дуба немного отдохнуть, пока одежда не высохнет.

– К твоему сведению, под этим дубом иногда собирается *джирга*, – сказал чей-то голос.

Абида подскочила от неожиданности.

– Кто здесь?

Со стороны полей подошел парень и остановился напротив, уперев руки в бока. Совсем молодой, на несколько лет старше нее, но больше всего Абиду поразило, как невозмутимо он держится, точно они ведут самый что ни на есть обыкновенный разговор. А еще он не скользил липким взглядом по ее телу, как другие мужчины, – наоборот, потупился.

– Мой отец состоит в *джирге*. Сегодня у них здесь собрание. Они любят это место – тут попрохладнее, чем в дерев-

не. – Парень протянул ей руку: – Меня, кстати, Калимом зовут. Я недавно вернулся из Лахора.

Абида уставилась на него. Калим производил впечатление воспитанного юноши, но неужто же всерьез ждал, что она пожмет ему руку?

– Я тебя совсем не знаю.

Калим опустил руку, точно вспомнив о чем-то.

– Ах да, из головы вылетело. Я сын Хафизуллы. Учился в Файсалабаде. Ты, возможно, меня не помнишь, но я тебя не раз видел. Думаю, я не обозначился, хотя ты очень повзрослела.

Абида вспомнила, что сняла *дупатту*, и ее пронзил жгучий стыд.

Словно бы прочитав ее мысли, Калим кивнул на одежду, разложенную на земле.

– Бери *дупатту* и шагай за мной. Лучше тебе не встречаться ни с кем из *джирги* в таком виде. От них ведь зависит судьба женщин, которые, ну... – он защелкал пальцами, подбирая слова, – ведут себя неподобающе. Мягко говоря.

Точно в дурмане, с тяжело колотящимся сердцем и головкружением (от жары, что ли?), Абида взяла Калима за руку. Он увел ее полями к деревне, подальше от жестоких старейшин. Ее отец сказал бы, что Калим поступил как настоящий джентльмен.

Так все и началось.

И вот Калим лежит рядом с ней на жестковатом покры-

вале, которое они расстелили посреди одного из горчичных полей. Весна уже наступила, но голая земля еще не успела прогреться. Абида стряхнула насекомых с одежды и начала одеваться. Калим внимательно за ней наблюдал.

– Ну что уставился? Не надоело еще?

– Такое никогда не надоеет, – сказал он и подмигнул Аби-де.

Та зарделась. Ей очень нравилось проводить время с Калимом, отчасти как раз из-за этих добродушных, но нежных бесед. С ним она чувствовала себя принцессой, хоть и не вполне понимала, как эти самые принцессы живут: в деревне даже самые богатые люди сами доили коров и заделывали бреши в стенах. С Калимом получалось быть собой – вот что самое главное. Абида могла безо всякого страха делиться своими мыслями. Дома же мать часто ругала ее, говорила, что у дочки язык без костей, что отец ее избаловал.

– Не дочь, а наказание! – часто жаловалась Фарида мужу, когда Абида забывала покрыть голову или позволяла себе ляпнуть какую-нибудь дерзость. – Гляди, как она ходит: плечи расправила, грудь вперед. Что люди скажут? Это ты ее испортил, *джи!*

Ее, наверное, и впрямь избаловали. Разве благочестивая, богобоязненная незамужняя девушка позволит себе даже мысль о романе? Всякий раз, когда они с Калимом встречались, Абида твердила себе, что скоро они поженятся, но где-то в глубине души затаился страх, – страх, что ее бросят. Ей

с детства твердили, что девичья честь прячется между ног, а она вот так легко с ней простилась. Девушек и за меньшее убивали. По спине пробежал холодок.

– Ты меня любишь? – спросила она, не совладав с тревогой, и смущенно потупилась, с удвоенным усердием поправляя платок на голове.

Калим выдержал паузу, и ее сердце пропустило удар. Она уже была готова заплакать, когда Калим вдруг сказал:

– Посмотри на меня.

Абида сморгнула набежавшие слезы и только тогда повернулась к нему. Вид у Калима был серьезный, красивые губы сжались в тонкую линию, гладкий лоб наморщился – то ли от злости, то ли от тревоги.

– Думаешь, мы бы встречались вот так, если бы я тебя не любил? – Он сел и развел руки в стороны. – Думаешь, стал бы я искать работу в Лахоре, если бы не любовь к тебе?

– Калим, я вовсе не...

Ловкий рывок – и он встал, обвинил пальцами ее запястья, положил ладонь Абиды себе на грудь. Его сердце перепуганным зверем билось о ребра.

– Вот что со мной происходит, когда ты сомневаешься в моих чувствах.

Опять брызнули слезы, и в этот раз Абида уже не мешала им бежать по щекам.

– О, Калим, прости меня! Я не подумала. Просто я очень рассеянная в последнее время...

Она не успела объяснить почему: у возлюбленного зажужжало в кармане. В деревне мало кто мог похвастаться мобильным телефоном, но у Калима он был, хотя связь в их деревне работала в лучшем случае с перебоями. С этой штукой в кармане Калим чувствовал себя горожанином, которым так мечтал стать, и Абида знала это. Она и сама очень хотела, чтобы его мечта сбылась. Хотела уехать с ним подальше от докучливых деревенских зевак. Они не давали ей и шагу ступить и, наверное, если бы не вонь, охотно ходили бы с ней даже в уборную, чтобы поглазеть, что там да как.

Калим с кем-то быстро заговорил. Лицо омрачилось тревогой. Спрятав телефон, он потупился и заверил, что все в порядке.

И только когда Абида переспросила его в десятый раз, причем самым строгим голосом, он нехотя уступил, глядя ей под ноги:

– Хорошо, расскажу, ты все равно скоро узнаешь от деревенских.

– Кто-то умер? – ахнув, спросила Абида.

– Ты живешь в стороне от других домов, так что до вас, наверное, вести еще не дошли. Вчера казнили девушку по имени Шабнам. Родной брат кинул ее в реку.

Абида зажала рот руками.

– За что?! Бедняжка Шабнам. Мы с ней иногда пересекались на площади. – Деревенька у них была маленькая, все тропки вели к небольшому участку в тени двух высо-

ких деревьев *ишиам*, где стояло несколько торговых прилавков (в основном с овощами и свежей рыбой). Горстка деревенских магазинчиков тоже соседствовала с площадью, так что неудивительно, что там можно было встретить любого из местных, даже такую затворницу, как Шабнам. Абида припомнила, что с начала года толком ее и не видела, и вздохнула. – Она ведь и мухи не обидела. Ничего не понимаю.

Тут Калим заглянул ей в глаза.

– Она была не замужем, но родила ребенка, Абида. Нам тоже надо быть осторожнее. Ты уверена, что не...

Он не успел договорить, как Абида от него отвернулась. Ее вдруг замутило. Калим обнял ее – нежно, с заметным, почти осязаемым облегчением, однако она продолжала молчать. Кажется, дар речи на время ее покинул, а сердце будто ножом пронзили.

Она ничего не сказала, даже когда пришло время расстаться, только коротко помахала Калиму и пошла по полю своей тропой. Ей не хватило сил сообщить ему правду – что у нее задержка уже третий месяц.

Джамиль

Говорили, что тело утопленницы распухло до неузнаваемости. Словно Шабнам и после смерти не избавилась от проклятия.

Пир дал разрешение на похороны, потому что через пару дней труп запутался в рыбацкой сети и его вытащили на берег. Вонь от покойницы шла нестерпимая. Жители деревни стали возмущаться и заявили, что не позволят порочной плоти потаскухи отравлять драгоценные воды.

– *Канджари!* – восклицали они всякий раз, когда кто-нибудь заговаривал об убийстве Шабнам. – Она заслужила смерть!

Младенца похоронили еще раньше: он был таким крошечным, что пары движений лопатой оказалось достаточно для погребения.

«Бедное дитя...» – думал Джамиль, глядя, как опускают в землю тело утопленницы. Пускай оно и было завернуто в беленую ткань, отчетливо угадывались жутковатые округлости, и, хотя труп обильно полили благовониями, перебить вонь все равно не получилось. От запаха смерти – едкого и в то же время сладковатого – щекотало в носу. На горький

мед похоже, подумал Джамиль. Тело попытались очистить, как могли, но из него по-прежнему сочилась коричневатая жидкость, пропитывая ткань.

В глазах матери Шабнам слез не было, но под ними залегли темные круги, а сын так крепко вцепился ей в плечо, что Джамиль сразу понял: женщине просто запретили плакать.

«Молюсь о том, чтобы у меня не было дочери, – часто говорила его матушка. – Нет кары страшнее, чем родиться женщиной в наших краях».

Небесные силы ее услышали: Джамиль так и остался ее единственным ребенком. Довольно долго он ломал голову, отчего же у него нет братьев и сестер, особенно когда на улице ему встречались многодетные мамы с оравой детей, но со временем он начал понимать, что мать просто опередила свое время. Ему вспомнилось, как она отслеживала и высчитывала дни, когда придется ходить с окровавленной тряпкой между ног. Мать явно знала гораздо больше, чем многие обитательницы деревни, и понимала закономерности, о которых Фарида догадалась лишь спустя много лет брака.

Тут Джамиль вспомнил о собственных детях и закрыл глаза.

– Как жаль, – со вздохом сказал *пир*, остановившийся рядом с ним. – Больно смотреть, когда молодежь вот так погибает. – Старейшина указал пальцем, разрисованным хной, на мать Шабнам. – Не должны родители своих детей хоронить. Это против природы. Но Шабнам сама обрекла мать на та-

кую судьбу, решив покувыркаться в полях с тем приедем.
– Он ведь вроде в женихах у нее ходил, – тихо проговорил Джамиль. – Возможно, он взял ее силой.

Пир рассмеялся, и белоснежный тюрбан у него на голове задрожал.

– Дорогой мой Джамиль, вот послушаешь тебя, и хочется спросить, на чьей ты вообще стороне. У тебя самого ведь столько детей! Поразительно, что ты еще не понял, какими низменными желаниями живут женщины и до чего они ненасытны. Мужчина перед ними бессилен.

– Меня больше собственные желания интересуют, – начал было Джамиль, но продолжать не стал: слишком уж грозно сверкнули глаза *пира*. Что за дело Джамилю до Шабнам? Почему он спорит со старейшиной о девушке, которую уже не вернуть, которую, считай, уже все позабыли? Пора отступить. – Вы совершенно правы, *пир-сахаб*. Женщины бывают страсть как умны, когда им это надо. А представьте, что будет, если их наделить мужской силой! Сдается мне, они бы весь мир тогда поработили.

– Женщины никогда не будут править миром, – твердо возразил *пир*.

Джамиль невольно поморщился. Лютая ненависть *пира* к женщинам не внушала надежд. Стоит ли отдавать Абиду в такую семью? Он уже хотел отойти, но перед глазами появилось лицо Фарида, а в ушах зазвучали ее горестные пророчества. Абиде уже шестнадцать, еще немножко – и она будет

ходить в старых девах. Джамиль уважительно опустил голову и сказал:

– Конечно, *пир-сахаб*.

Когда тело предали земле, народ начал потихоньку разбредаться. Джамилю на глаза попало несколько раздосадованных мальчишек – видимо, хотели поглазеть на труп, но не вышло, только зря прождали среди толпы.

Джамиль наступил на крупного жука. Тот громко хрустнул под подошвой. Одним трупоедом меньше, подумал он. Хоть от него бедняжку Шабнам избавлю.

– Слышал, Халиль из города вернулся, – сказал Джамиль старейшине в отчаянной попытке сменить тему. На его счастье, *пир* тут же просиял. Края его седых усов дернулись вверх, а губы расплылись в искренней улыбке. Джамиль облегченно выдохнул. Только сейчас, вблизи, он разглядел, что глаза у *пира* ярко-зеленые, будто у змеи. Неудивительно, что он без труда зачаровывал всякого встречного.

– Да, он у меня в Файсалабаде четыре года учился. Теперь мальчик стал бакалавром. – *Пир* покосился на Джамиля: – Ты хоть знаешь, что это значит?

Конечно, он знал, но знал и то, что мнимое невежество обрадует *пира* куда больше.

– Я слышал от деревенских, что он у вас аж четырнадцать лет обучался наукам, – пробормотал Джамиль. – Простите, *пир-сахаб*, сам-то я всего несколько месяцев в школу ходил и мало про образование знаю.

Очередная ложь подействовала на самовлюбленного *пир* как волшебное заклинание. Он тут же выпятил грудь и улыбнулся еще шире.

– Это значит, что он окончил престижный университет и теперь может поехать куда угодно. Бакалавр везде работу найдет.

– Надо же! В любом уголке Пакистана? – потрясенно уточнил Джамиль.

– В любом уголке мира, – с жаром поправил его старейшина. – Такого специалиста везде с руками оторвут! Я потратил целое состояние на его учебу, но, слава всевышнему, вложение сполна окупается.

– Фарида мне сказала, что *бегум-сахиба* подыскивает Халилю невесту.

– Что-то не припомню, чтобы Рукшана водила дружбу с твоей женой, Джамиль, – подметил *пир*, но улыбка по-прежнему не сходила с его губ.

Джамиль тоже улыбнулся.

– Деревня у нас маленькая, *пир-сахаб*. Тут слухи расходятся быстро, особенно если речь о вашей семье.

Его лезть уже переходила всякие границы, но собеседник принимал ее за чистую монету.

– Может, пообщаемся в другом месте, поприятнее? – предложил он, недовольно фыркнув. – А то подзастряли мы в этой дыре, а дело давно сделано.

Они прошли к ближайшей палатке, где торговали чаем.

Снова выдался теплый день, солнце стояло высоко и уже обжигало кожу своим теплом. Скоро грянет зной, и тогда вот так не посидишь на улице. *Пир-садик* купил им две чашки дымящегося чая, в который налили сливок так щедро, что они собрались сверху белой шапкой – Джамилю даже пришлось подуть на нее, чтобы добраться до самого напитка. С его-то огромной семьей и скромным доходом он нечасто мог себя побаловать такими роскошествами. Джамиль сделал глоток и чуть не застонал от удовольствия. Вкус был просто божественный.

– Не то чтобы я на девок заглядываюсь, но Рукшана мне рассказывала, что дочурка твоя выросла умницей и красавицей.

– Это мое сокровище, *пир-сахаб*. Наш первенец.

– Понимаю, – кивнул *пир* и шумно отхлебнул чаю. – Но образованностью она не блещет, верно?

– Детей у меня прорва, а магазин совсем маленький, так что тут лишь бы концы с концами свести, не то что дочерей в школу отдавать. А мальчишки ходят, конечно.

– Прекрасно, прекрасно. Зачем тратить на образование, если женщина все равно будет дома сидеть и за детьми приглядывать? – *Пир* наклонился к Джамилю: – Пооткровенничая с тобой немного. Когда моя дочка Бушра проводила старшего брата учиться в Файсалабад, ей в голову взбрела нелепейшая идея: она тоже захотела пойти в школу. Я подавил эту мысль в зародыше. И что ты думаешь? Сейчас она

счастливая жена и мать двоих детей. — Он отстранился и снова отпил чаю. — Абида, судя по рассказам, девушка покладистая и домовитая. Думаю, моя жена захочет познакомиться с ней поближе.

Намек ли это, Джамиль не понял, но решил воспользоваться моментом.

— Может, тогда вы с семьей придете к нам на обед? Дом у нас маленький, но можно накрыть приличный стол на улице, в тени раскидистого дерева, а большую комнату жена обустроит для женщин, — затараторил он. Волнуясь, Джамиль всегда начинал говорить быстрее.

Но старейшине, казалось, доставляет удовольствие его неловкость.

— Конечно-конечно, милый друг. Мы с Рукшаной с удовольствием у вас отобедаем. — *Пир* демонстративно взглянул на свои наручные часы, явно желая похвастать драгоценными камнями, которыми они были украшены. — Может, в следующий понедельник? Халиля и дочку тоже возьму с собой.

Джамиль нервно сглотнул, представив, во сколько обойдется застолье, но ему удалось выдавить улыбку.

— Будем очень вам рады, *пир-сахаб*.

Абида

Абида как-то слышала от местной повитухи, что на третьем месяце беременности ребенок размером с фасолинку. Тогда вместе с мамой она ходила проводить знакомую, которая решила, будто у нее схватки. Но повитуха только посмеялась.

– *Бети*¹², это просто газы. До родов еще месяц. Поверь, уж я-то знаю.

А потом стала рассказывать о разных этапах беременности. Абида взглянула в зеркало на свое обнаженное тело. Никаких перемен пока не видно. Живот такой же плоский, как раньше... Или нет, что там за изгиб в самом низу? Вроде не слишком заметно. Если распрямить плечи и выставить вперед грудь, то со стороны и не догадаешься. Но ходить так на людях нельзя – она же девушка. Что про нее скажут?

Мать громко стукнула в дверь ванной, и Абида торопливо прикрылась.

– Что ты там застряла? В жизни таких копуш не видела!
«Знала бы ты, чем я занимаюсь», – подумала девушка, моля небеса о том, чтобы ребенок внутри просто растворился.

¹² Дочка (*урду*).

Новости о Шабнам потрясли ее до глубины души. В деревне незамужнюю девушку с ребенком ни за что не примут, и, если Калим не женится на ней как можно скорее, ее ждет только позор. А может, и смерть.

«Не думай об этом», – отругала она себя. Отец ни за что такого не допустит! Он всю жизнь защищает Абиду от матери. Значит, и от разгневанной толпы, готовой протащить ее через всю площадь, защитит. И все же... она ведь родит вне брака. Какой уважающий себя мужчина поддержит такое?

Ну хватит, сказала она себе. Пока ничего страшного не случилось.

Она надела приталенную рубашку, и та пришлась точно впору. Абида невольно залюбовалась отражением своей стройной фигуры в заляпанном зеркале. Потом набросила на голову *дупатту* и улыбнулась себе. Ну просто тростиночка! Не о чем беспокоиться.

«Через несколько недель все изменится», – прошептал внутренний голос. Но Абида отогнала тревожные мысли, решив, что подумает об этом позже. Пока что надо готовить обед.

Когда она вышла из ванной, мать уже удалилась на кухню, оборудованную на улице. Обычно оттуда доносились запахи дыма и чечевицы, но сегодня аромат был такой аппетитный, что у Абиды потекли слюнки.

Мясо! Да, пахнет именно им! Девушка выскочила на улицу, чтобы проверить свою догадку. И действительно, на зем-

ле стояли несколько дымящихся кастрюль с разными блюдами: в одной была ягнятина с цветной капустой, в другой – курица в остром соусе, в соседней – тушеная говядина со шпинатом. Мать, должно быть, встала на рассвете, чтобы успеть столько приготовить! Абида стыдливо зарделась: она-то и палец о палец не ударила, чтобы помочь, только грезила о жизни с Калимом.

Когда она увидела еле живую от усталости мать, которая сидела у огня и одной рукой поджаривала бараньи отбивные, а другой месила тесто, на глаза у девушки навернулись слезы. Ее младшие сестры, Фархана, Насиба и Саида, куда-то запропастились. Может, мама дала им снотворное и они теперь дрыхнут в поле, подумала Абида и хихикнула. Мать подняла на нее взгляд, и девушка, плюхнувшись на приземистый стул (всяко лучше, чем на земляной пол!), стала помогать с тестом.

– Я вот чего не понимаю, *амми*¹³, – начала она. – Что за гость к нам придет, если ты такой пир устраиваешь? Не помню, когда мы последний раз ели ягнятину, – наверное, только на Ид¹⁴. А сегодня у нас аж три мясных блюда! Такое нам точно не по карману. На эти деньги можно было младших в школу отправить.

– Мальчишки уже ходят в школу, Абида, – отрезала

¹³ Мама (*урду*).

¹⁴ Имеется в виду Ид-аль-Фитр (он же Ураза-байрам), исламский праздник, знаменующий окончание поста и священного месяца Рамадан.

мать. – А девочкам учеба ни к чему. Отец мясом торгует, я вышиваю, так что денег хватает.

– Мне бы тоже хотелось научиться читать, – мечтательно протянула Абида. – Когда Юсаф с Аббасом садятся за учебники, я всякий раз им завидую. – Она не рискнула признаться матери, что Юсаф уже втайне начал учить ее грамоте. Братишке уже стукнуло десять, и он рос как на дрожжах, но в душе еще оставался маленьким мальчиком. И это было вполне естественно, вот только деревенская жизнь заставляет взрослеть раньше срока. Вчера вечером они как раз прочли вместе страничку из его книжки на урду. Абида шепотом выговаривала слова брату на ухо. «Ты читаешь как робот, *aani*¹⁵! – хихикнув в кулачок, сообщил ей Юсаф. – А ты у нас человек, вообще-то».

Девушка тогда невольно рассмеялась над его шуткой. Теперь же ей вспомнилось, как она молила Бога о том, чтобы Юсаф не вырос преступником, подобно многим мальчишкам в деревне. Или убийцей – с такой-то грешной сестрицей.

Она и сама не заметила, как перестала месить тесто.

– Фархана, Насиба и Саида уже взрослые, – прочистив горло, сказала Абида матери. – Им тоже в школу пора.

Та нахмурилась.

– Абида, вот скажи честно, откуда у тебя такая чушь в голове? *Пир-сахаба* удар бы хватил, услышь он твои слова.

– А *пир-сахаб* тут вообще при чем?

¹⁵ Старшая сестра (*урду*).

Мать покраснела.

– При всем. Он же главный у нас в деревне!

Абида встала.

– Ты не поэтому его упомянула. Да, *пир-сахаб* до всего есть дело, но ты явно имела в виду что-то другое, более личное. – У нее екнуло сердце. – Он придет к нам на обед, да?

Мать вытерла со лба пот тыльной стороной ладони.

– Господи, жарыща-то какая, я аж вся взмокла. Что же со мной летом будет? И да, *пир-сахаб* придет к нам в гости со всей семьей.

– И когда же ты собиралась мне об этом сказать?!

– Ни к чему предупреждать заранее. Просто знакомство. Твоя задача – встретить жену *пира*, только и всего. Пока что этого достаточно.

Абида слышала, как зашуршал во дворе гравий под колесами машин, и тут же все поняла.

– Ты хочешь выдать меня за их сына, верно? *Амми*, ты вообще его видела? Да я в жизни не соглашусь стать его женой!

Мать вскочила и отвесила дочери пощечину. Со всей силы.

– Вот только попробуй нам все испортить. И так ведь несладко. Ты хоть представляешь, сколько мы на этот обед потратили? И всё ради твоего счастья, чтобы подарить тебе новый шанс в жизни! – Она больно впиалась ногтями в руку девушки. – Ступай к себе в комнату и сиди там, пока я не позову.

Абиду замутило, и она сделала глубокий вдох, чтобы справиться с тошнотой.

– Ты не понимаешь! Я не пойду за первого, кто вам приглянулся.

– Пойдешь как миленькая, – отчеканила мать тоном, не допускающим возражений, и потащила дочь в комнату, которую та делила с младшими детьми.

Абида сразу же подскочила к окну, выходящему во двор. Как раз в эту секунду рядом затормозили два черных джипа, подняв облако пыли. Только когда ветер унес дымку в сторону пшеничных полей, пассажиры вышли на улицу. Абида мгновенно узнала *пира*. Он, как и всегда, был в белоснежном тюрбане и горделиво выпячивал грудь, будто делал миру одолжение одним своим существованием.

– Вот же сволочное семейство, – прошептала Абида.

Следом вышли две женщины в парандже – видимо, жена и дочь *пира*, – а пока они отряхивали одежду от пыли, появился и Халиль. Абиду опять замутило при виде рыхлого живота, который покачивался под белым *камизом* молодого человека. Халиль присел, чтобы поднять солнечные очки, упавшие с головы, а когда поднялся, полотнище *камиза* застряло у него между ягодиц. Абида рассмеялась. В ней проснулась надежда, что отец увидит эту сценку и передумает отдавать ее в такую семью.

Тем временем Джалиль поспешил навстречу гостям, учтиво обнял мужчин, поклонился женщинам и заговорил

с ними мягким, уважительным тоном. Издали слов было не разобрать, но суть беседы Абида не интересовала. Она твердо решила: как бы отец ни стелился перед *пиром*, она ни за что не выйдет за Халиля.

— А ну прочь от окна! — зашипела на нее мать, заглянувшая в комнату. Абида обернулась и увидела, что та уже приготовилась встречать гостей. Мать всегда отличалась проворством, но в этот раз даже саму себя превзошла. Глаза так и лучились радостным предвкушением. Она даже попыталась сделать макияж, правда, получилось не бог весть что: переборщила и с тональником, и с помадой, и в итоге стала похожа на чудовищ, о которых предостерегали старейшины. Девушка насмешливо фыркнула, а потом вдруг всхлипнула. Ей хотелось биться головой о стену, лишь бы родители ее поняли, но она знала: отец с матерью никогда не встанут на ее сторону.

Она посмотрела в окно. Мать уже выбежала из дома встречать жену и дочь *пира*. Абида опустилась на одну из *чарпай*, которыми были уставлены стены, и провела рукой по старой хлопковой простыне. Полотнище было до того ветхим, что его легко можно было порвать неосторожным движением. Под тканью угадывалась джутовая оплетка, благодаря которой кровать не рассыпалась на части. Девушка подтянула колени к груди и обхватила их руками. Ей вдруг стало очень одиноко — как никогда в жизни. В соседней комнате, которая днем превращалась из спальни в гостиную, начал-

ся разговор. Сперва звучал только веселый, угодливый материнский голос, но скоро к нему добавился еще один, тоненький – должно быть, это заговорила жена *пира*. Неприятно заскрежетали по кирпичному полу ножки бамбуковых стульев – видимо, в этот момент дамы устраивались поудобнее. Абида слышала каждое слово, ведь на месте двери висела лишь длинная тряпка.

– Весна уже в самом разгаре, – тонким голоском продолжала одна из гостей. – Бог знает, что будет в июне!

– Может, вам веер дать, Рукшана-*ана*¹⁶? – предложила Фарида. – Я попрошу Абиду, она мигом принесет.

Абида уловила нотки отчаяния в голосе матери, и у нее внутри всё сжалось. Она отвернулась от занавески. Стоило присесть на *чарпаю*, и тошнота унялась, но поверить в реальность происходящего по-прежнему не получалось. Что делать с этим самым женихом, в ее-то положении? И как же Калим и их любовь?

Рукшана, видимо, отказалась от веера, и повисла пауза.

Наконец жена *пира* нарушила молчание.

– Такой огромной семье, наверное, тяжело живется в двух тесных комнатках.

– Нет, что вы! – ответила Фарида, не уловив издевательских ноток. – У нас еще на улице столько места! И двор просторный. Дети почти весь день на воздухе. В доме, по сути, только мы с мужем.

¹⁶ Вежливое обращение к старшей женщине.

– Вот оно что. Тогда ясно, откуда у вас такая орава. Если бы мы с *пир-сахабом* так часто оставались наедине, не знаю, сколько у нас родилось бы детворы.

Абида услышала, как рассмеялась мать, но смех был какой-то тусклый и невеселый. Кажется, она наконец поняла, что Рукшана преследует единственную цель: унижить ее.

– Ох уж эта людская природа, – продолжала жена старейшины. – Мы порой так отдаемся плотским желаниям, что совсем не учитываем внешних обстоятельств. Я вот недавно была в гостях у своей двоюродной сестры и узнала, что у нее десять детей. Десять! Притом что муж работает коробейником! – Она выдержала паузу для пущего эффекта. – Естественно, они еле сводят концы с концами и перебиваются милостыней от людей вроде нас.

– А мы вроде справляемся, – тихо сказала Фарида.

Абида сжала и разжала кулаки. Ну и стерва эта Рукшана! И в такой дом ее хотят отдать!

– Даже не сомневаюсь. Недаром у вас так замечательно, – парировала Рукшана. – Не терпится познакомиться с вашей дочерью. Уж как только *пир-сахаб* ее не нахваливал! Про моего сына Халиля вы, наверное, слышали? Он недавно вернулся из Файсалабада, на бакалавра там выучился.

– Увы, *ана*, я мало смыслю в образовании, но муж говорил, что сын у вас очень умный. Уверена, девушке, которая станет его женой, очень повезет.

– Кстати о девушках. Где же ваша Абида?

Шлепанцы матери неприятно заскрипели по полу. Звук постепенно нарастал, и вот уже женщина вбежала в соседнюю комнату и кинулась к дочке. Фарида была вся красная и тяжело дышала.

Абида отвернулась.

– Я к ним не пойду, – тихо сказала она.

Мать безо всякого предупреждения схватила ее за волосы и дернула – достаточно сильно, но не настолько, чтобы закричать от боли.

– Ты что делаешь?

Фарида склонилась к ней, так близко, что Абида почувствовала запах страха и волнения.

– Только попробуй всё испортить, и, видит бог, я тебя на кусочки порву. Ты выйдешь познакомиться с Рукшаной и будешь вести себя как полагается, – прошипела мать ей на ухо.

Эта сцена показалась Абиде до того комичной, что она едва не рассмеялась, но вовремя сжала губы.

– Я не хочу в такую семью. Ты вообще слышала, как грубо она разговаривает?! Или уже ничего не замечаешь, кроме дорогих побрякушек, которых на ней наверняка целая куча?

Фарида еще сильнее потянула дочь за волосы.

– Абида, последнее предупреждение.

– Ну где застряла эта девчонка? – проворчала Рукшана в соседней комнате. – Небось, прихорашивается? Но она вроде не страшненькая. Передайте ей, что я и похуже видела! – Тут она засмеялась, звонко и самодовольно.

– Видишь, кому ты меня сплавить собралась! – воскликнула Абида, высвободив волосы из материнской хватки.

– Рот закрыла и вышла.

– Что ты за мать такая, что родную дочь извергам отдаешь! Деньги – не самое главное в жизни, знаешь ли!

В итоге Фариде пришлось чуть ли не волоком тащить Абиду к двери, но, как только шторка приподнялась, мать выпустила девушку, и та распрямилась. Если бы не серьезность ситуации, она посмеялась бы над материнскими выходками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.